

SEGODNJA 9/4 OLGA GORGOMA

“FINO ALL’EPOCA DELLA PSICOANALISI ACCADEMICA”

Festival Cechoviano – “Zio Vanja” di Cechov
regia Peter Stein – scenografia Ferdinand Bogherbauer
Teatro di Parma – Teatro di Roma

La prima di Zio Vania è uno dei due spettacoli di Stein presentati all’interno del Festival. La già nota Oresteia di Eschilo con attori russi e ora Cechov con attori italiani. Stein, in maniera rara, è capace di riunire forme conosciute e esperimenti sottili.

La ricerca, l’esperimento, sono, per lui, reali momenti di lavoro. Ricerca e capacità di riunire le particolarità di diverse culture, di differenti ottiche culturali e diversi modi di sentire senza per questo, fare violenza al testo. Coglie la possibilità di lasciare esprimere le particolarità nazionali delle differenti scuole di recitazione.

Gli attori italiani sono capaci di esprimere i sentimenti dei loro eroi naturalmente, in maniera sincera, senza finzioni. Sin dall’inizio la reale distanza umana e storica tra gli attori italiani e il drammaturgo russo si costituisce come elemento artistico fondamentale dello spettacolo.

«Сегодня» 9.04

Блок 3

До эпохи научного психоанализа

Чеховский фестиваль. «Дядя Ваня» Чехова.
Постановка Петера Штайна. Сценография Фердинанда
Вогербауэра. Театро ди Парма, Театро ди Рома

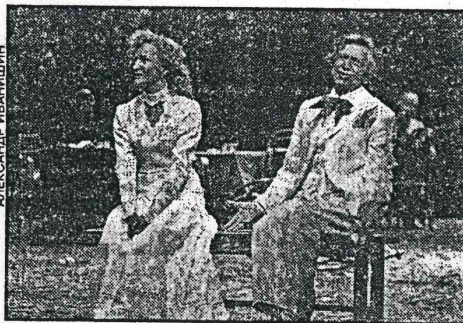
Ольга Горгома

Премьера «Дяди Вани» — одна из двух постановок Штайна, показанных в рамках фестиваля. Уже известная Москве «Орестея» Эсхила с русскими актерами и теперь Чехов — с итальянскими. Штайн редким образом умеет сочетать знакомые формы со смелыми экспериментами. И если в неизменной приверженности Штайна традиционному театру нет ничего декларативного, то и эксперимент для него — естественный рабочий момент. Он стремится и умеет сочетать особенности разных культур, мировоззрений и мироощущений, не насиливая материал, к которому обращается. И находит возможность вполне реализовать национальные особенности разных актерских школ. Если в «Орестее» способность русских артистов к неограниченной эмоциональной саморастрате делает и трагедию и спектакль внутренне современными, то в «Дяде Ване» все обстоит иначе. Итальянские актеры способны говорить о чувствах своих героев естественно, без фальши, не испытывая неестественности или неудобства от прямоты выражений. И в то же время сама природа и характер этих переживаний им незнакомы и не вполне понятны. Изначально существующая человеческая и историческая дистанция между итальянскими артистами и драматургией Чехова становится важным художественным элементом спектакля.

Уже в самом ощущении этой дистанции есть новизна восприятия, возможность взглянуть на что-то очень знакомое по-другому. Отстраненнее и теплее.

Все в спектакле зрительно и эмоционально отдалено и сглажено. Персонажи воспринимаются не сложными, рельефными фигурами, а силуэтами, мягко и органично вписанными в ровный, спокойный фон. Определяющими оказываются общие черты и линии. Заново очеловечивается то, что мы привыкли считать малоинтересным, недостаточным. Поступки и переживания героев обретают простые, ясные мотивировки. Нет ключевой фигуры. Человечески все уравнивается. И мы скорее склонны объединять героев, а не принимать в спорах чью-то сторону. Да и сами персонажи не являются такими уж антагонистами. Их разделяют привычки, а не принципы. Близкие друг другу, они расстаются нехотя, с чувством потери.

Первые картины разворачиваются в глубине ярко освещенной сцены, забранной в рамку и отделенной от зрительного зала затемненным коридором. По мере развития событий действие приближается к нам — коридор становится комнатой. Привыкнув, мы проникаемся любопытством и симпатией. В какие-то моменты совершенно исчезает ощущение разницы реального и сценического времени. И когда, наконец, персонажи оказываются к нам ближе всего (последняя сцена построена фронтально, картинка почти выступает из очерченной декорациями рамки), фигуры замира-

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

ют. Как неживые, нарисованные.

Штайн умеет манипулировать известными приемами небанально. Как если бы говорил что-то интересное простыми словами. Он работает в светлых тонах, сочетая легкость цветовой гаммы со смысловой прозрачностью, проницаемостью. Картины русской природы, особенности национально-колорита (приплясывания, наигрывание на гитаре, песни на ломаном русском) — детали для нас излишне выпуклые, искусственные, на самом деле говорят только о режиссерской тщательности. Его отношение к сцене, актерам, пьесе по существу любовное. Он организует пространство с дощатостью живописца, добываясь зрительной и художественной гармонии. Для Штайна нет ничего второстепенного, проходного. Ему интересно и не лень (!) продумывать все до мелочей, не избегая сложных, громоздких декораций и затяжной машинерии. Все это возвращает театру забытое, доступное, может быть, только детской непосредственности и доверчивости ощущение чего-то необыкновенного. Огромное незамкнутое пространство кажется бесценной, волшебной игрушкой, которую, прижав крепко к груди, хочется унести домой, чтобы, еще и еще раз глядя в прозрачный кубик, наблюдать за тем, что происходит внутри, со страхом ожидая момента, когда фигурки замрут и погаснут.

Жизнь героев спектакля не назовешь простой и беззаботной. Они далеки от счастливого невведения. Но в чем они меньше всего нуждаются, так это в психоанализе. Временами мы почти готовы посмеяться над ними, если бы не расплывающаяся в душе чернильным пятном зависть. Пасуешь перед обаянием простодушия и неискренности, сознавая не столько то, что эти люди отличаются от нас, но, что еще важнее и печальнее, насколько мы, сегодняшние, катастрофически не похожи на них.

На русском языке такой спектакль, наверное, просто невозможен. Слишком хорошо знаком текст, засорена ассоциативная память. Пьесу лучше не перечитывать. Иначе удивитесь, возмутитесь: Чехов глубже, сложнее, многозначнее. И экспортируйте впечатление.

ЛАКИ

БЕЗ ФИЛЬТРА: Больно обозреватели.

Юрий I

В одном из моих самых любимых и осведомленных киновед своих, увы, редких нынче критическую режиссера Дмитрия Астут. н. «утонченной» кинотусовк для в фильмах Дмитрия подлинни (такую, «<...> что дух захватыв тичность «частной инициативы гений далее пишет: «<...> уже Г.) — «Изыди» — оказалась вь — «Ты у меня одна» и «Все бу венных и международных при:

Уважаемый Евгений! Мени ние. Не были б Вы столь любез разгрести эту кучу призов: м только выдвигался на «Оскар именно пальмовые ветви, лвы чаливые рыбы, белые и бурье ликсы и прочие престижные р: дарен. С уважением.

Бор

Событие — и не на одну не дна! — это, мнилось, уже несб: выход в, думалось, уже больше ка) двуязычного тома стихов «Игитур» и поэму «Бросок ко бранные письма. Составил кн Роман Дубровский, предислови ме солидных комментариев те ны Лившиц, — антология и би рым, пользуясь случаем, я бы ца 70-х годов, тогда, увы, неоп шней европейской словесности чески» — бесконечно притягат Себастьян в одном лице или, г вижник чистоты и жертва бесс ка и вежливый молчальник, на склоняются первые перья Фра Бонфуа. По-русски Малларме ским и Волошиным, Осипом I цем, в его персональном маш еще (пока? уже?) не пережит, 1 романтик, замерший между дв ник письма, «этой безумной возможности.

Анд

Недавно случайно осознал, и обильна. Отправившись в гус ковских критиков на фестивал ружий, что там и жинет вполне воспринять современное искусс ми же рязанцы разлезаются б юношей и, раскрыв оные пре под музыку выпустить на сцену умильтельное, рязанские красо и нечеловечески грациозны. В унд в духе начала восьмидесят ко той травой, из которой про тусовка, комсомольцы, андерг столице же — депрессия, абсти лик не приехал, а все туда же.

Борис I

I. Открыто тенденциозный

ПЯТАЯ СТЕНА